

ĪMANTAS VĒBRA (sudarytojas ir įvado autorius), *Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a.–XX a. pradžioje. Faksimilinis valdininkų ataskaitų ir dokumentų rinkinys*. Vilnius: Baltos lankos, 2001, 607 psl. ISBN 9986–861–75–6.

Известный литовский историк, ныне покойный Римантас Вебра (1931–1999) хотел верить, что данное “издание станет хрестоматийным, поскольку без материалов, в нем опубликованных, просто трудно представить исследования по истории Литвы XIX в. Это настольная книга и для молодежи, изучающей историю, и для историка-профессионала. Полезной она будет также lenkų bei žydų istorikams для польских и еврейских историков (?) или для историков, изучающих традиции польского и еврейского населения Литвы (?) — В.Ч.), которые найдут здесь немало интересного для себя материала” (с. II). Соглашаясь с составителем *Сборника* в принципе, могу добавить, что изданные документы могут быть использованы также при изучении языковой политики царского правительства в Северо-Западном крае, русско-польских отношений времен Российской Империи, социолингвистической ситуации на землях бывшего Великого княжества Литовского, этнической истории Беларуси, истории старообрядчества на этнических территориях Литвы и Беларуси и целого ряда других проблем; полагаю, что ее с удовольствием прочтает либо просмотрит каждый, кто хоть немного интересуется тайнами “политической кухни” России конца XIX–нач. XX вв., в особенности — проблемами так наз. Северо-Западного края.

Значительную часть *Сборника* (с. 45–260; док. 1–214) занимает “Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал Губернатора на 1902–1903 г.г.”, подписанный генерал-лейтенантом князем Петром Даниловичем Святополк-Мирским (1857–1914), государственным деятелем, известным своими либеральными взглядами (кстати, в заглавии сборника Р. Вебра использует слова *valdininkų ataskaitų rinkinys*, досл. ‘сборник отчетов чиновников’; определение ‘чиновник’ по отношению к П.Д. Святополк-Мирскому представляется по крайней мере странным). К отчету приложена “Справка ко внесенному, по высочайшему повелению, всеподданнейшему отчету за 1902–1903 г.г. о состоянии Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-Губернаторства (Составлена Канцеляриею Комитета Министров)” (с. 263–471; док. 1–209), содержащая свод выписок из важнейших постановлений (последних десятилетий XIX–начала XX вв.), определяющих основные принципы деятельности администрации на территориях так наз. Северо-Западного края и касающихся

– помещичьего, крестьянского и шляхетского землевладения (с. 264–300; док. 5–38);

– некоторых вопросов экономической политики по отношению к переселенцам (с. 300–304; док. 38–42);

– проектам использования русского языка в католической церкви (sic!) (этот раздел Справки озаглавлен “Белорусское племя. Католическая церковь” (с. 305–325; док. 43–63);

– некоторых вопросов политики по отношению к католическому духовенству и католической церкви вообще (разделы “Католическое духовенство” и “Костелостроительство” (с. 325–337; док. 63–75));

* В *Сборнике* наряду со сквозной нумерацией страниц (мы ее указываем первой) сохранена также нумерация страниц оригинальных документов (указываем после сокращения док.).

– политики по отношению к старообрядцам (с. 337–347; док. 75–85), еврейскому населению (с. 358–370; док. 96–108), правила переселения поляков в Северо-Западный край (с. 357–358; док. 95–96) и нек. др.

Завершается Справка обширным разделом постановлений о структуре “Генерал-Губернаторской власти” в крае (с. 371–471; док. 109–209).

Особый интерес представляют документы, содержащиеся в “Приложении” к “Отчету” и “Справке” под общим названием “Из дел Западного комитета”:

– “Перечень предложений, рассмотренных бывшим Западным Комитетом” (с. 475–512; док. 1–38);

– “Записка Министра Государственных имуществ о колонизации Западных губерний” с грифом “Секретно” (без даты, составлена до восстания 1863–4 гг.) (с. 513–528; док. 1–16);

– “Составленный в Министерстве Внутренних дел очерк общего хода дел в Западном крае с начала 1861 года по настоящее время” с примечанием в сноске, что “Очерк сей составлен на основании сведений, имеющихся в делах Министерства и III Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии” (с. 529–549; док. 1–21); к очерку приложен документ под названием “Дополнительные соображения к Очерку положения дел Западного края, внесенному Министром Внутренних Дел в Западный Комитет” с грифом “Секретно”;

– “Записка частного лица, поступившая в Октябре месяце 1861 г., о Польском элементе в Западных наших губерниях” с грифом “Секретно” (с. 557–559; док. 1–3);

– “Записка неизвестного автора, полученная от Его Императорского Величества Министром Внутренних Дел 25 февраля 1862 года”, также с грифом “Секретно” (с. 561–578; док. 1–18);

– “Мнение Генерал-Адъютанта Назимова по содержанию записки, полученной от Государя Императора Министром Внутренних дел 25 Февраля 1862 года” (с. 579–587; док. 1–9);

– “Перечень предложений, внесенных в Западный Комитет” (с. 589–592; внутренняя нумерация отсутствует);

– “Извлечение из отношения к Министру Просвещения Виленского Военного, Гродненского, Ковенского и Минского Генерал-Губернатора, от 1-го Февраля 1963 года за № 146” (с. 593–600; док. 1–8); и, наконец,

– “Ведомость о числе жителей по сословиям в западных губерниях за 1861 год. (Составлена в Центральном Статистическом Комитете)” (с. 601–607, без внутренней нумерации).

Содержание Сборника подробно описано по целому ряду причин. Прежде всего, в самом издании отсутствует общее оглавление, что затрудняет ориентацию в его составе; более того, слова *ataskaitų ir dokumentų rinkinys* ‘сборник (подборка) отчетов и документов’ в заглавии *Сборника* в определенном смысле вводит в заблуждение, поскольку в действительности вся подборка документов представляет собой *один документ* — Отчет генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского с целым рядом приложений.

Далее, даже общее знакомство с Отчетом показывает, что речь в нем идет не собственно о литовско-русских отношениях (как об этом указано в заглавии издания Р. Вебры), а о проблемах Северо-Западного края, т.е. земель бывшего Великого княжества Литовского, включенных в состав Российской империи после раздела Польши в 1795 г., важнейшей из которых была проблема русификации края, которая велась под лозунгами защиты русской народности и православия в Западных губерниях перед лицом польской угрозы.

Если бы в оглавлении были указаны озаглавленные подразделы генерал-убернаторского Отчета, то стало бы видно, что разделы Справки, приложенной к отчету, систематизированы аналогичным образом, т.е. они являются своего рода носками к положениям Отчета. Само по себе это очень наглядно свидетельствует о том, насколько тщательно и добросовестно П.Д. Святополк-Мирский отовил этот документ, и, видимо, о том, что он придавал ему очень важное значение. Документы Приложения, относящиеся ко времени до восстания 1863–64 гг., содержат информацию по *истории* тех вопросов, которые затрагиваются в Отчете. Все это дает основание считать данный Отчет не просто чиновничьим документом, но своего рода научной работой или политологическим трактатом.

Значение документов *Сборника* для изучения “литовско-русских отношений” определяется разделом VI “Литовская народность” самого Отчета (с. 200–222; *док.* 154–176), а также материалами приложений “Записка частного лица”, “Записка неизвестного автора” и “Извлечения” (ср. соответствующих документов см. выше). В Справке к Отчету, как отметил составитель *Сборника*, “о литовцах упоминается только один раз” (с. 27). Даже после беглого знакомства с перечисленными документами становится очевидным, что при написании раздела VI Отчета были использованы данные, не содержащиеся в Справке и Приложении. При этом П.Д. Святополк-Мирский довольно основательно познакомился с историей литовской письменности, данными о распространении книг на литовском языке, издаваемых в Пруссии, и в ряде случаев, видимо, опирался на свои собственные наблюдения. Важнейшим из них является, по моему мнению, следующее: “Литовское племя стало во второй половине XIX века в новую фазу своего развития. До того все подымавшиеся по культурной лестнице слои литовского населения сливались с польскою народностью. 1863 год, сломивший юльское господство в Северо-Западном крае, в значительной степени высвободил литовский народ. С этого преимущественно времени приостановился процесс ополячения литовцев: они идут по пути саморазвития” (с. 214; *док.* 168). Очень точными являются его наблюдения об увеличении количества католических священников, поддерживающих идеи литовского возрождения в Виленской губернии (с. 97–98; *док.* 51–52) и нек. др.

Из Отчета следует, что в принципе “литовско-русские отношения” еще не стали политическим “литовским вопросом”, аналогичным “украинскому” или, тем более, “польскому”, поскольку “Усматривать в саморазвитии литовцев какой-либо опасности для государственных целей нет” (с. 217; *док.* 171); единственной антигосударственной политической деятельностью “литовцев-народников” признается распространение печатных изданий литовском шрифтом. Поскольку “литовский вопрос” в указанном смысле к концу XIX–началу XX вв. еще не созрел даже в сознании русских бюрократических кругов, то составитель *Сборника* допускает явный анахронизм, говоря “о первой оккупации Литвы” Россией в связи с третьим разделом Польши (с. 7).

Основной пафос всего VI раздела в Отчете состоит в обосновании тезиса о том, что запрещение печатать книги на литовском языке в Империи было ошибкой. Тем самым фактически обосновывается идея о том, что русификация не должна проводиться под лозунгом борьбы с католичеством вообще, но именно с польским католичеством.

Кстати, Отчет позволяет заключить, что либерализм самого П.Д. Святополк-Мирского состоял в том, что он, не подвергая ни малейшему сомнению правильность политики русификации Северо-Западного края, предлагал проводить

ее более эффективно, более, как бы мы сейчас сказали, гуманными методами и с учетом общей этноязыковой ситуации в крае.

Поскольку в настоящем выпуске *Slavistic u Vilnensis* значительное место занимают публикации, посвященные изучению старообрядчества Прибалтики, я позволю себе привести довольно обширную цитату из Отчета, в которой, во-первых, П.Д. Святополк-Мирский в довольно резкой форме выразил свое несогласие с политикой правительства и православной церкви в отношении старообрядцев, а во-вторых, как бы распространил на старообрядчество идею о неразумности одновременной борьбы как польским влиянием в крае, так и с той частью его населения, которая в принципе может быть союзником правительства в этой борьбе, ср.:

Выше мною уже отмѣчено, что то русское населеніе въ краѣ, которое не принадлежитъ къ католической церкви, исповѣдуетъ въ извѣстной своей части старообрядчество. Русскіе старообрядцы, органически связанные съ Сѣверо-Западнымъ краемъ искони (съ XVII в.) насчитываютъ нынѣ около 60000 д. живущихъ преимущественно въ Ковенской губерніи. Въ Виленской губерніи ихъ свыше 25.000, въ Гродненской же старообрядцы почти совсѣмъ отсутствуютъ. Люди этого разряда, великорусскаго происхожденія, въ противоположность мѣстнымъ бѣлоруссамъ совершенно не поддались влиянію ни польской народности, ни католической церкви. Разселенные среди иноплеменнаго и инославнаго населенія, старообрядцы сохранили въ полной чистотѣ русскій языкъ, русскіе обычаи и русскую старину, а потому являются крупною русскою силою, которая въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ укрѣпленію въ краѣ русскихъ культурныхъ началъ. При такихъ условіяхъ старообрядцы вправѣ, казалось бы, рассчитывать на удовлетвореніе своихъ религіозныхъ нуждъ по крайней мѣрѣ не въ меньшей степени, чѣмъ это допускается въ отношеніи католиковъ. Всякое смѣшеніе въ данномъ случаѣ задачъ политическихъ и миссіонерскихъ можетъ, по моему убѣжденію, привести лишь къ отрицательнымъ результатамъ, а именно къ тому, что старообрядцы Сѣверо-Западнаго края перестанутъ быть тою опорою правительственной власти, которою они являлись до послѣдняго времени. Не касаясь здѣсь общаго вопроса о томъ, какіе способы надлежитъ примѣнять въ отношеніи раскола, дабы привести его къ согласію съ православіемъ, я не могу не отмѣтить, что во вѣренномъ мнѣ краѣ практика показала, что отчужденіе старообрядцевъ отъ православной цѣркви тѣмъ сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе ихъ рѣлигіозное утѣсненіе. Поэтому я затруднился раздѣлить взглядъ моихъ предмѣстниковъ въ отношеніи принимавшихся стѣснительныхъ для старообрядцевъ мѣръ въ смыслѣ запрещенія постройки молельнъ. Не могу не упомянуть здѣсь о поучительномъ, по моему мнѣнію, слѣдующемъ примѣрѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Вильнѣ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по настоянію Виленскаго Архіепископа, распоряженіемъ Виленскаго Губернатора былъ срубленъ со старообрядческой молельни въ Вильнѣ крестъ, то фактъ этотъ имѣлъ совершенно отрицательное послѣдствіе, а именно — старообрядцы, посещавшіе до того и православная церква, отъ этого посѣщенія отказались, замкнувшись въ самихъ себя. Не говоря уже о недопустимости какихъ либо насильственныхъ дѣйствій въ отношеніи креста, являющагося символомъ не старообрядчества, а христіанства, я не могу не отмѣтить, что преслѣдованіе одновременно двухъ цѣлей — руссификаціи края и внедренія въ русскій, но не православнаго вѣроисповѣданія народъ насильственными мѣрами православія едва-ли можетъ считаться правильнымъ. По моему убѣжденію господство православной церкви въ краѣ должно завершить нашу политику въ немъ. Начинать же эту политику съ актив-

ной и притомъ рѣзкой борьбы — значить вѣсти ее по тѣмъ принципамъ, которыми пользовалось бывшее польское королевство, достигшее въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, какъ извѣстно, въ сущности незначительныхъ результатовъ. *Если при этомъ принять во вниманіе, что въ бывлыя столѣтія всякое правительство располагало тѣми способами насилія, которые въ настоящее время не примѣнны и что передъ этимъ правительствомъ стоялъ порабощенный, безмаленкій народъ, котораго уже не существуетъ, то станетъ яснымъ, что въ настоящее время правительство для достиженія своихъ цѣлей должно пользоваться другими, болѣе высокаго качества средствами*” (выделено курсивомъ нами — В.Ч.) (с. 126–129; док. 80–83).

Заканчивая представление *Сборника*, считаю необходимымъ отметить следующее.

В целом *Сборник* практически не подготовлен для того, чтобы стать настольной книгой для исследователей, студентов и вообще для широких читательских кругов. С тем, что он плохо структурирован (о чем говорилось выше), можно еще смириться, но отсутствие индексов, указателей имен и необходимых реальных комментариев делают его закрытой книгой. Ограничусь в связи с этим только одним примером. Как уже было указано, все приложения к Отчету поданы под общим названием “Из дел Западнаго комитета”. Меня лично уже давно интересует деятельность этого Комитета; я знаю только, что он заседал в Петербурге с 1862 года. Было бы очень интересно узнать, кто и на каких основаниях входил в его состав, где хранятся его архивы и под., поскольку в известных мне энциклопедиях (новых и старых) о Комитете сведений нет. К сожалению, по отношению к составителю *Сборника* это запоздалое пожелание, но ведь издатели могли в данном случае принять свое решение.

Очень неудачной следует признать также идею факсимильного издания Отчета и Приложений к нему независимо от того, кому она принадлежала — составителю или издателю. Отчет представляет собой машинопись с большими промежутками между строчками и большими полями. Имело ли смысл увековечивать эту особенность оформления бюрократического документа? Ведь эти 214 страниц, которые он занимает в *Сборнике*, можно было бы представить максимум на 50–60 страницах (в этих расчетах исхожу из того, что приведенная выше цитата о старообрядцах в изданном тексте Отчета занимает целые три страницы!). Точно так же и большая часть остальных документов могла бы быть перепечатана и занять значительно меньше места в книге. И для этого не нужно было набирать текст заново, достаточно располагать сканером и (довольно дешевой) программой ABBY Fine Reader 5, которая распознает текст в старой русской орфографии и превращает его в обычные Word’овские документы. При таком способе издания книга стала бы минимум в три раза тоньше и, очевидно, намного дешевле — даже с той же роскошной твердой обложкой, в которую облечено данное издание.